

ОУИ НБ МГУ №1994

О служебных злоупотреблениях в редакции журнала «Огонёк»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1994>

6 мая 2016

Собеседник

Кривоносов Юрий Михайлович

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 6 мая 2016 и опубликована 27 августа 2018.

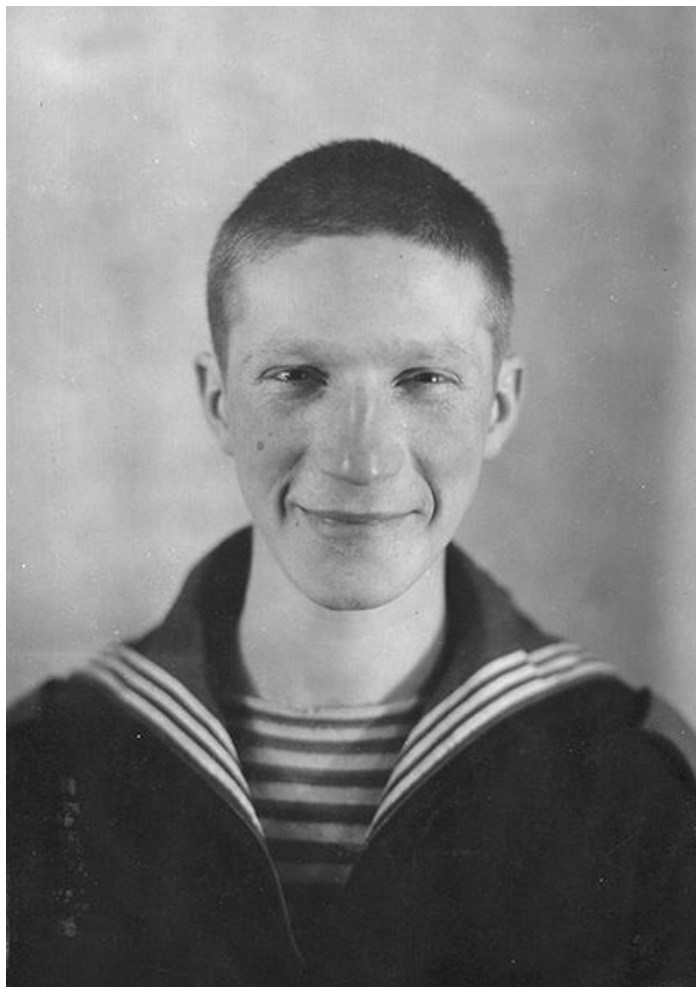
Введение

Пятая и заключительная беседа с Юрием Кривоносовым отличается от предыдущих. В ней рассказчик делится историями о внутренней жизни редакции журнала «Огонёк». По существу это яркое и необычное авторское свидетельство о советских формах коррупции, в которой Юрий Кривоносов обвиняет главного редактора журнала Анатолия Софронова. Юрий Кривоносов был секретарем партийного бюро журнала и решил провести собственное расследование деятельности главного редактора. О фактах злоупотребления служебным положением Кривоносов написал в Комитет партийного контроля ЦК КПСС. Снять главного редактора с должности нашему герою не удалось, но случившиеся события стали основой его романа «Карьера Отпетова».

Идеологическая подкованность

Юрий Михайлович Кривонос: Прежде чем рассказывать про мою огоньковскую историю, я должен немножко вернуться аж в свое детство. Надо сказать, что меня воспитывали в определенной идеологической, так сказать, форме. Сначала в детском саду, потом в пионерском лагере, потом в школе. А когда я вступал в комсомол, это было 28 ноября 41-го года. Уже немцы на нас смотрели в бинокль из Химок и видели Кремль в бинокль. Подперли под самый... Мы тогда такие были патриоты, готовы были защищать, и я в этот момент вступил в комсомол. Поэтому я был идеологически подкованным человеком. Пока я работал на Трехгорке, там года два или полтора немножко участвовал в многотиражке.

Когда я попал в военное училище, то из части с фронтового аэродрома, когда нас отправили, на каждого был формуляр, было личное дело. И там было сказано, что я какой-то активный. А я был там запевалой, еще чего-то. Комсоргом роты меня сделали в училище. Когда из нашей роты какой-то взвод выпускался, я написал характеристики на тех, которые уезжали. Меня вызывает командир роты капитан Шмелёв, говорит: «Вы что тут написали?» Я говорю: «Что? Характеристики». — «Да вы что написали? Этому написали „склонен к воровству“. Этому вы написали, что он то-то делает, такой-то, а этот такой хитрый, обманывает. Этот товарищ не уважает». Я говорю: «Но так же есть». Он говорит: «Так нельзя писать». Я говорю: «А как?» — «„Делу партии и правительства предан, морально устойчив“». Все! И ничего!» В общем, я переписал по этой... Я уже понял, что тут что-то есть, второй какой-то слой жизни.

Ю. М. Кривонос. Северный флот. 1944. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Когда я закончил училище, попал в полк. Тоже за мной пришло личное дело, что я был комсоргом. Меня тут тоже комсоргом эскадрильи назначают. Назначает комсоргом эскадрильи меня комсорг полка. Был такой очень славный Бородин Андрей. Он мне говорит: «Слушай, старик. Ты имей в виду: главное — учет. Ты заведи толстую тетрадь и записывай туда все». Я говорю: «Ну, а что, например?» —

«Например, ты поговорил с Петровым о бабах. Записывай: „Проведена беседа с матросом Петровым на тему любви и дружбы“. Понял?»

Я говорю: «Понял». Значит, я уже усек, что есть второй слой какой-то жизни. Соответственно, я уже потом всю дальнейшую свою жизнь умел учет этот делать, записывать и все прочее. Но работал я вообще-то от души. Я верил во все это дело, и я как-то соблюдал все правила. В общем, был идейно подкованный, тем более у меня родители такие были партийные.

Кадровая политика в журнале «Огонёк»

Короче говоря, когда я попал в «Огонёк», это был 51-й год. Главным редактором был поэт Алексей Сурков, который написал «Землянку»* и много хороших стихов. Он собрал публику всю из фронтовиков. Все были фронтовики. Фотокорреспонденты, пишущие и все-все-все, кроме технических работников. И там был очень сильный коллектив. Например, заведующим отделом литературы был Борис Полевой, писатель. Вот такой уровень был. Там были очень подкованные журналисты. Сейчас их уже никто не помнит. Златогоров такой был. Еще другие сотрудничали. Хороший был коллектив. Все это шло нормально: мы жили, работали, все было путем.

* Песня «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь...»; музыка К. Я. Листова, 1941)

А. А. Сурков в редакции газеты «Правда». Москва, 1942. Источник фото: <https://историк.рф>

В 53-м году, когда умер Сталин, произошла передвижка. Фадееву надо было избавиться от Софронова, который был его правой рукой в Союзе писателей. Когда надо было подписывать вот эти согласия на арест писателей, то Софронов подписывал эти самые бумажки. Он вообще весь в крови, как говорится. Он был жуткий тип. Я уже не говорю, что он был одним из первых, кто раздувал антисемитскую кампанию. Он же сделал доклад соответствующий про борьбу с космополитами. И тут же пошли его пьесы в театрах, и тут же две Сталинские премии получил за свои пьесы, хотя пьесы были никудышные. Короче говоря, Софронова Фадеев прислал в «Огонёк» главным редактором, а Сурков ушел в Союз писателей первым секретарем, а тот [Фадеев] был как генеральный секретарь. В общем, второе лицо.

Софронов начал в журнале селекцию. Во-первых, кое-кого он своих привел. Потом стали творческие работники из журнала уходить, и стало их все меньше, меньше, меньше, и стали какие-то такие люди нехорошие. Вот появилась какая-то статья где-то. Называется «Принадлежит России». Это какая-то женщина написала о нем книгу «Принадлежит России», драматург, туда-сюда. Не успели оглянуться, а она уже у него заведует отделом искусств. Потом мы с моим коллегой Шерстенниковым Левой были на Кубе. Там «Литературка» нам попала. И в «Литературке» хвалебная статья о поэзии Софронова. Какой-то автор подписан... Какой-то Антошкин. «Ты его знаешь?» — «Нет, я его не знаю». Приезжаем, а Антошкин уже заведет отделом поэзии в «Огоньке». Вот как Софронов подбирал кадры.

Назначение парторгом

Но я был разъездной корреспондент. Сначала лаборант вообще. Потом стал разъездным корреспондентом. Я мало чего касался, ездил по командировкам, тихий, мирный был, но меня все время выбирали почему-то в партком. В местком? Нет, в партком меня выбирали всегда. Член парткома я был. И так как я начал писать много (и снимал, и писал) и стал такой единицей, соединяющей в себе две профессии, то меня перевели в отдел внутренней жизни. Сделали меня заместителем редактора отдела внутренней жизни.

Что значит «отдел внутренней жизни»? Это не внутренняя жизнь редакции, а внутренняя жизнь страны. То был иностранный отдел, а наш был внутренний отдел. То есть жизнь страны. Мы занимали примерно половину журнала. Вот эти тридцать две полосы или сколько там занимали иногда. Чуть не полжурнала занимали. Поэтому отдел был очень мощный, напряженный. Надо сказать, что даже у меня была зарплата двести сорок [рублей], а заведующие других отделов имели только двести – двести двадцать зарплату. Видите? А я заместитель заведующего. То есть значение отдела.

К чему я веду? Ввиду того, что отдел самый ответственный, меня обязали присутствовать на заседаниях редколлегии вместе с заведующим отделом, чтобы я был в курсе и мог в любой момент подменить его. Ответственная работа. И я стал бывать на редколлегиях, но только на открытых. Потом у них была закрытая редколлегия. Тогда все, кто не являются членами редколлегии, уходят, а те решают уже какие-то свои дела. Дела, я так думаю, темные. По многим приметам я определил, что там не все чисто. Зачем делать тайные заседания? Зачем? Значит, что-то там было такое, что люди не должны были знать.

Короче говоря, проходит какое-то время, и вдруг уходит в издательство «Планета» наш парторг. Был такой Игорь у нас. Игорь уходит в издательство «Планета», и нужно выбирать нового парторга. И они ничего лучше не придумали, чем... Начальство же определяло, кого выбирать. На собрании им это провести через демократию ничего не стоило. Они остановились на мне. Человек тихий, в разъездах, в редакции немного бывает, ни во что не лезет, ни во что не вмешивается, ни в каких группах не замеченный. Вот мы им будем командовать, как хотим. А это было для них очень важно — командовать парторгами. Меня выдвигают в парторги, на собрании утверждают, и я делаюсь парторгом.

О злоупотреблениях в «Огоньке»

Вот тут-то разворачивается другая жизнь. Во-первых, как партийный секретарь бюро редакции я уже присутствую на закрытых редколлегиях, я начинаю видеть всю подноготную, что происходит. Кроме того, ко мне пошли косяком люди с жалобами. Одного зажимают, другого не печатают, третьего там... С обидами пришли. И я смотрю, что это непорядок в редакции. Составляю себе список, что происходит. Я же привык писать. Я все об этом себе записываю: кто приходил, о чем говорили. Пришел ко мне Бальтерманц. Знаете Бальтерманца?

Екатерина Андреевна Голицына: Конечно.

Ю. К.: Он пришел ко мне со слезами на глазах. Его выживали. Как его выживали? Он был заведующим фотоотделом. Но там шла такая комбинация. Там был жуткий тип, главный художник, такой Долгополов, который все себе блага искал. Он был жуткий жулик. И он с Софроновым был в таких друзьях — как его же приспешница говорила: «Такое впечатление, что они на двоих одного человека убили». Настолько они были... Поддерживал Софронов этого главного художника. И что они придумали? Было два заместителя у Софронова, и был ответственный секретарь. Эти три человека получали «авоську». Знаете, что такое «авоська»? «Авоська» — это паек цековский. То есть им давалась на месяц специальная какая-то, не знаю, сумка не сумка, которой могли прокормить всю семью на это за копейки. Это называлось «авоська». Цековский паек каждый месяц. А этот главный художник метил, чтобы и ему «авоська» была. Тогда они решили сделать главного художника к тому же еще заместителем, третьим заместителем главного редактора. А в это время из редакции ушел ответственный секретарь. И вскоре ушел заместитель ответственного секретаря. То есть секретариат оголился. Они нашли из отдела критики тихого человека, который согласился быть ответственным секретарем. Зарплата у него была

триста рублей, но чтобы он отказался от «авоськи». Тогда «авоську» передают этому главному художнику. Но главному художнику недостает до оклада заместителя редактора трехсот рублей. Где их взять? Вот тут комбинация. Бальтерманца убирают из заведующих фотоотделом и членов редколлегии, и он теряет эти триста рублей, которые недостает тому. Они тому добавляют триста рублей.

Е. Г.: Ужас.

Ю. К.: И вот полный у него будет этот самый. А вместо Бальтерманца поставят заведующим фотоотделом рядового Гену Копосова. И все! Он же не будет получать, как член редколлегии! И не делать его членом редколлегии. Вот была такая у них комбинация. И Бальтерманц ко мне пришел со слезами. Потом Миша Савин. Знаете, был фотокорреспондент, тоже хороший. И он пришел со слезами: «Не печатают уже сколько времени!»

Д. Н. Бальтерманц в Ленинградском доме журналистов. Ленинград, 1981. Фото Павла Маркина. Источник фото: www.spbphotographer.ru

Борьба с Анатолием Софроновым

Кроме этого, они попойки устраивали. В это время шла борьба с пьянством, и я понял, что мне голову снимут за эти их попойки. Я решил наводить порядок. Но наводить порядок я решил, начиная с партийного бюро. У меня в партбюро было два софроновских прихлебателя. Это были его люди. Мне их надо было из партбюро убрать. Но как убрать? Подвернулся момент: я совершенно случайно узнал, что они получают на стороне гонорар, а партвзносы не платят с этих сумм. А тогда это считалось большим партийным преступлением.

Короче говоря, я на бюро выношу вопрос о том, что недостойно себя ведут два члена бюро, не платят, надо их из бюро убирать. Узнав про это, прибежал Софронов на бюро, а он тоже был членом бюро, но не всегда приходил. Тут он прибежал и начал их защищать. Но он почувствовал, что уже тут что-то я творю

не то. Напор на меня начал делать. Я думаю, что делать, как делать. А мне говорит одна сотрудница (была хитрая): «А ты проверь его самого». А проверялось очень просто. Я беру бланк «Огонька», пишу: «Прошу сообщить о полученных гонорах такого-то, такого-то. Секретарь партбюро „Огонька“ Кривоносов». С этой бумагой я иду в Агентство по авторским правам, туда, сюда. Я быстренько набрал на него недоплату. Но если у всех недоплата была пятьсот рублей, шестьсот рублей, а у него недоплата с десяти тысяч. Я набрал. С десяти тысяч. Что делать? Я советуюсь с опытными людьми. С кем? Егор Яковлев был, знаменитый журналист. Знаете вы Егора Яковлева?

Е. Г.: Конечно.

Ю. К.: Я к нему. Мы с ним дружили. «Егор, вот такая ситуация. Что делать?» Он говорит: «Выходить надо на самый высокий уровень. Райком ничего с ними не сделает. Райком даже может быть купленный. Директор издательства Фельдман над „Огоньком“ не командует, тем более Софронов — это номенклатура секретариата ЦК. Ничего не сделает. Надо выходить на Комитет партийного контроля*». — «Как выходить?» — «Надо позвонить туда по „вертушке“ и назначить свидание». Чтобы мне назначили свидание. Он говорит: «Но дело в том, что председатель Комитета партконтроля Пельше — член Политбюро. Он может сам не брать „вертушку“. Секретарь — через секретаря не годится. Значит, надо выходить на кого? На первого заместителя, — а первым заместителем был Иван Степанович Густов. — Вот на Густова надо выходить. Он сам берет „вертушку“. Там уже все будет сделано». Хорошо. И мне Густова же посоветовала Надя Филатова, которая большая уже какая-то была начальница на телевидении, а до этого она у нас была заведующей отделом информации. Она меня привлекала на первых порах, когда я только начинал писать заметочки. Она меня привлекала, привлекала, привлекала. И она мне тоже сказала: «Надо звонить Густову».

* Комитет партийного контроля при ЦК КПСС

Что делать? И еще перед этим я пошел к Софронову и говорю: «Ваши заместители бесчинствуют. Людей зажимают, пьянки устраивают в редакции. Я за них партбилет брать не хочу». — «А вы с ними беседовали?» Я говорю: «А что с ними беседовать? Они же надо мной начальники. Я-то Швейк. А они же замредактора». — «Нет, вы как парторг можете». Ну, я пошел, их сразу за жабры. Они озверели все против меня. И Софронов думает, что он меня отсунул. Я тогда беру и прихожу в редакцию в девять часов. А редакция обычно работала с десяти, но раньше одиннадцати вообще никого не было. Прихожу в десять часов, иду в софроновский кабинет. У него на столе «вертушка» кремлевская. В столе у него была красная телефонная книжка для этой «вертушки». Нахожу Густова и ему звоню. Говорю: «Иван Степанович, с вами говорит секретарь партийного бюро „Огонька“ Кривоносов. У нас творятся безобразия, которые покрывает главный редактор. Нужно что-то делать». Он говорит: «Но это дело терпит до завтра?» Я говорю: «Конечно, до завтра терпит». Он говорит: «Нечасто к нам обращаются партсекретари по поводу своих начальников. Давайте завтра. Я вам закажу пропуск. Приезжайте ко мне завтра». — «Хорошо».

Я составляю такую бумажку, там записываю себе пункты, что я должен рассказывать ему. Блокнот у меня, ручка, еще что-то. Все приготовил на завтра, чтобы идти. Я это все положил, у меня это все готово. Пока я умывался утром, прихожу, а на этом всем лежит... Я писал про это в «Карьере Отпетова»*. На них лежат карнавальные очки с бровями, с усами. Вот как Райкин выступал, надевал такие очки. Я жену спрашиваю: «Что это такое?» Она говорит: «Но у тебя же сегодня операция „партайгеноссе Борман“!» А в это время же шел сериал про Штирлица**. «Партайгеноссе Борман, тебе надо замаскироваться!» Ну, посмеялись.

* Роман Юрия Михайловича Кривоносова «Карьера Отпетова», написанный в 1980 году.

** Сериал «Семнадцать мгновений весны» вышел на телеэкраны в августе 1973 года.

Я пришел к нему. Целый час мы с ним беседовали. Он мне говорит: «Вы напишите это на бумаге, но не больше пяти страниц, и передайте». Я говорю: «Хорошо. А знаете, у меня сегодня будет партийное собрание, открытое причем. У меня в партбюро два человека, которые взносы не платят. Вот у Софронова тоже ведь недоплата с десяти тысяч. Могу ли я на собрании сказать, что и у Софронова недоплата?» Он говорит: «А почему? Он же коммунист? Рядовой коммунист. Почему нет? Вы можете, конечно».

Короче говоря, идет партийное собрание. Я докладывал о том, о сем. Потом говорю: «Есть такие дела, связанные с неуплатой партвзносов. Вот эти члены бюро не платили партвзносы». А меня Егор Яковлев научил: «Не надо говорить, что у Софронова недоплата. Ты скажи, что дефицит между заработком и оплатой взносов». Я говорю: «А вот у коммуниста Софронова дефицит оказался между заработком и оплатой. Он заработал за год пятьдесят восемь тысяч, а заплатил только с сорока».

” Представляете, тогда назвать эту сумму! Когда сто двадцать рублей, сто пятьдесят рублей — зарплата у людей. Пятьдесят восемь тысяч — десять автомобилей «Волга»!

Откуда эти деньги? Бесконечно его издавали, какие-то блатные дела, театры и прочее. Народ, конечно, от этой суммы упал. И для того было самое страшное, что я назвал его заработка. Он стал сначала красный, потом стал желтый, потом стал зеленый. Он, как хамелеон, несколько цветов сменил. Загрибок этот... Он здоровый же был, толстый. От такой моей наглости, что как я посмел при всех это все...

Ну, тут кинулись его защищать эти прихлебатели: «Нет, а вы с ним беседовали?» Я говорю: «Я не беседовал. Я только перед собранием узнал об этой недостатке. Я же не знал. Вот буквально час назад я приехал из агентства и получил эти сведения. А потом, какой секрет? Пусть партбюро с этим разбирается теперь! Раз вопрос — дефицит, надо уточнить. Может быть, там какие-то ошибки». И все такое. В общем, шухер. Я закрываю собрание, иду к девчонкам в отдел проверки, а они от восторга ногами топают даже: так они рады, что я ему всыпал.

Дальше развивается действие. Он собирается ехать на Олимпийские игры. Олимпийские игры были, по моему, в Мельбурне*. Так мне кажется. Это где? Не в Канаде? В Австралии? Я не помню где. А у него была одна прихлебательница, которую, кстати, я выволок тоже с недоплатой взносов. Она приходит и приносит от него семь тысяч на взносы. А у него недоплат сколько, я говорил? Десять. Семь тысяч она мне приносит. Я говорю: «Хорошо». Пошел, сдал это в сберкассе. Это ушло в горком, в райком, туда эти деньги уходили. Я уже не помню весь учет этот. Короче говоря, и он спокойный, что он уже погасил часть или много взносов, уезжает на Олимпийские игры на три недели.

* В Мельбурне (Австралия) Олимпийские игры проводились в 1956 году. Софронов ездил на Олимпийские игры в Монреаль (Канада), которые состоялись в 1976 году.

Я в это время приношу в Комитет партконтроля пять своих страниц со всеми этими делами, прикрепляют партследователя, и тот начинает рыть. Во-первых, вызывают всех собкоров из разных мест страны. Всех расспрашивают про их дела и про софроновские дела. Потом вызывают разных сотрудников, беседуют и все прочее. А они, чтобы провести через демократию, прикрепляют ко мне одного: «Вот нейтральный человек, Айрапетян. Пусть он с вами вместе ходит, проверяет эти партвзносы, чтобы был человек и от нас проверять». Хорошо. С Тиграном мы в кабинете говорим. Я ему говорю: «Слушай, тут идет большая борьба». Он говорит: «Я с тобой в это дело ввязываться не буду. Это очень страшное дело. Ты же с ним не справишься». Я говорю: «А если подключены другие силы?» — «Какие силы?» Я ему сказал. Он говорит: «Это другое дело. Я тебе буду помогать».

Дальше начинается комедия. Из райкома партии присылают члена ревизионной комиссии, который приходит якобы проверять, но он прикрывает Софронова. А у меня уже дело написано про взносы. Тиграну он предлагает убрать одну страницу, где Софронов указан! А Тигран говорит: «А как мы уберем? У него же напечатано на его машинке дома. Мы же не можем подделать эту машинку. Как же вы хотите-то?» Ну, тот что-то начинает говорить.

Наконец, опять приходит ко мне этот член ревизионной комиссии райкома, говорит: «Юрий Михайлович, я проверил. У него все сходится. Вот у него с сорока заплачено. Вот столько-то заплачено. Все у него заплачено. Видите, он получил сто сорок семь тысяч. Сорок семь тысяч заплатил там». Я ему говорю: «Я вам дам задачку математическую. Вот два человека пришли в ресторан. Сели, поели. Официант говорит:

„С вас двадцать рублей“. Каждый дает по десятке, и уходят. Официант был честный. Он видит, что обсчитал их на три рубля. Он берет ученика, говорит: „Догони этих дядек и отдай им три рубля“. С них взял больше. Надо не двадцать, а семнадцать. Три рубля отдал. Пацан бежит, догнал их. Пацан был хитрый. Рубль он зажал, а им дал по рублю. Значит, они платили уже не по десять, а по девять. Дважды девять — восемнадцать. Рубль у пацана — девятнадцать. А где двадцатый рубль?» Он совершенно растерялся и говорит: «Вы к чему это говорите?» Я говорю: «А к тому, что вы говорите, что он столько получил, вот он столько заплатил... А он должен платить со всей зарплаты, а не с того, что он получил в кассе. Берется-то от всей зарплаты, а там же тринадцать процентов — это налог, а налог не учитывается. Надо все равно оплатить эти тринадцать процентов на каждый этот самый... Недохвача с этой штукой». Он совершенно растерялся и исчез. Больше он не приходил.

А этот партследователь — Катков его фамилия была, Николай Фролович, — мне все время пропуска выписывал в ЦК и со мной беседовал. Очень положительный товарищ. Я ему говорю: «Я умею на счетах подсчитывать. Партвзносы всю жизнь принимал — комсомольские, партийные. Я вам посчитаю». Он говорит: «Не волнуйтесь». Достает машинку-калькулятор, который мы тогда вообще в глаза не видели. Короче говоря, он начал по всему Союзу запрашивать и набрал, что он недоплатил не десять тысяч, а сорок пять тысяч. Это жуткая цифра. И следствие идет, идет, идет, идет. У того уже шесть томов вот таких. Он со всеми беседовал. Они работали потрясающе.

Софронов приезжает с Олимпийских игр. Я говорю партследователю: «Знаете, он приезжает завтра с Олимпийских игр, а у него через два дня путевки с женой в дом отдыха. Он уедет». Он мне говорит: «Никуда он не уедет». Я говорю: «А путевки?» Он говорит: «Сдаст».

Софронов приезжает. На следующий день его вызывают в Комитет партконтроля и перед ним ставят список: «Ответьте вот на эти вопросы по редакции». А все вопросы по безобразиям, да? Конечно, ни на какой отдых он не уехал. Приехал в редакцию, собрал своих присных и говорит: «Обосрали с головы до ног». — «А что такое?» — «Вот так и так». Тогда они начинают придумывать. Во-первых, он распределяет, кому из них отвечать на какие вопросы. Расписывает редколлегии, кто должен чего ответить.

Теперь какую защиту искать? Они придумали. Пишут письмо Брежневу, какой негодяй секретарь партийного бюро в «Огоньке», и обязывают подписаться под этим письмом всех членов редколлегии и партбюро. Естественно, мне его не показывают. Они составляют такое письмо. Кому? Брежневу. В это письмо они вкладывают фотографию: Брежнев идет со свитой в Новороссийске, и где-то на шкентеле виден Софронов. Он свой человек, да? К этому письму прилагают эту фотографию. А один из заместителей Софронова имел прямой ход на секретаря ЦК, который ведал международными делами. По-моему, Пономарёв был, да. Не ошибаюсь ли я? Нет, по-моему, Пономарёв был. Значит, ему передать. И через Пономарёва передать Брежневу, да?

В общем, этот отвозит письмо, отдает Пономарёву. Пономарёв смотрит это письмо и не несет его Брежневу, а несет его Пельше, говорит: «Это по вашей части письмо-то. Зачем Брежневу? Это у вас рассматривает отдел. Вот вам это письмо». Тогда мне партследователь говорит: «Все! Это доказательство вашей правоты! В каждом втором случае у нас таким же образом пытаются дискриминировать партийного секретаря или того, кто поднимает вопрос. Такими вот массовыми письмами!»

Они еще организовали письмо от месткома и заставили девчонок в месткоме подписывать. Потом две ко мне пришли в слезах: «Нас заставили подписать! Что делать?» Я говорю: «Звоните партследователю и говорите ему, что вас заставили. И все». А после этой редколлегии Бальтерманц выходит, в коридоре меня встречает, говорит: «Юрка, прости меня. Меня заставили подписать». И он мне сказал про это письмо. Я не знал еще про это письмо. А мы с ним вообще дружили, с Бальтерманцем. Он говорит: «Они на меня так надавили, что я подписал, но я откажусь от этой подписи». И Бальтерманц пошел потом в ЦК к Зимянину. Одним из секретарей ЦК в то время был Зимянин, по идеологии. Рассказал, что там его травят, и сказал, что «меня вот заставили, я отказываюсь от этой подписи, и все такое прочее». То есть он провел такую линию. Короче говоря, это дело у них не прошло.

М. В. Зимянин в редакции газеты «Правда». Москва, 1970-е гг. Источник фото: www.imhoclub.lv

В разгар этого дела я по каким-то делам прихожу к Софронову. Я же должен к нему приходиться, я партийный секретарь. Я прихожу по какому-то делу, а у него был такой драматург Георгий Мдивани. Жорж Мдивани, драматург. Что-то он у него сидел, что-то он с ним разговаривал, что я, мол, затеваю. Я говорю: «Ну, что затеваю? Я веду свою работу. Это мне положено». Знаете, что он сказал? «Я люблю борьбу», — сказал Софронов. Я ему говорю: «А это не борьба. Это война». Все, и я ушел. Иду по коридору. Навстречу мне идет этот Жорж Мдивани, который от него вышел, кидается ко мне и жмет мне руку. Что он хотел сказать? Может, я ему понравился (*смеется*). Может, он Софронова тоже ненавидел. Я даже не знаю. Короче говоря, вот такая штука.

Что, как выпутываться? Вдруг меня вызывает один из заместителей, говорит: «Есть такая бумага. Вы были в командировке на Кубе, и вы с Шерстенниковым обменяли там валюту на сертификаты для „Березки“». Я уже не помню, сколько там. Пятьсот там или... Ну, какая-то сумма была. Или пятьдесят шесть валютных рублей, не помню. «А вы должны были эти деньги сдать в бухгалтерию». Я говорю: «Ну и что?» — «Отчитайтесь!» Я говорю: «А я и не собираюсь отчитываться. Что я буду отчитываться? У меня все чисто. Вы думаете, что это вам поможет? Это вам не поможет. Это не меняет дела. Даже если я сделал, дела-то это не меняет». Через два-три дня: «Напишите ответ!» Как это называется? Ну, объяснительную. Я пошел, ничего. Через день или два меня вызывает второй заместитель, говорит: «Вы написали объяснительную?» Я говорю: «Я не писал и писать не буду. Что это я буду писать объяснительную? У меня все нормально. Это вы разбирайтесь».

Они, оказывается, подумали, что мы были там и нас можно закрутить на валютном деле. Ну, а там всегда

у нас... Нас все подкармливали в поездках. Думали, что это все сейчас нам в вину поставят. Я думаю: «Откуда же такая сумма?» И вдруг я догадываюсь, что недавно одна из членов редколлегии, баба, была на Кубе. И она им раскладку эту сделала, что тратят, какие деньги. И я понял, что она была. Мы были в 72-м году, а этот был 76-й год. Значит, четыре года прошло. Курс-то валюты уже другой был, а она по своему курсу посчитала. Я думаю: «Вот где не сходится у них». Потом они ходили в бухгалтерию к главному бухгалтеру «Правды» с этим вопросом. Она сказала: «У нас нет никаких претензий к ним по валюте».

Что делать? Придумывают новый ход. Как меня замарать? Меня нельзя вызывать на партсобрания. То есть на редколлегию меня нельзя вызвать и разбирать мое дело, пока я парторг. Меня на редколлегию тащить и по административной линии трогать не имеют права. А мне сказали в Комитете партконтроля и команду дали: «Никаких партсобраний, никаких партбюро в „Огоньке“ не проводить до того, пока все дело не будет рассмотрено в Комитете партконтроля». А они придумали, как меня обвинить. Договорились с райкомом партии, что они досрочно проведут отчетно-выборное собрание, потому что люди разъезжаются в отпуск и не смогут потом провести. Нужно сейчас провести отчетно-выборное собрание. А это очень просто. Значит, они проводят... Да, сначала они на редколлегию вызывают Шерстенникова Леву и начинают его долбать за валюту. А он ни ухом, ни рылом, потому что, во-первых, я был старший в поездке и вел валютные дела, а не Лева. Но им надо его наказать, чтобы на меня тень упала. Понятно, да? Что из-за меня. Значит, они ему объявляют строгий выговор с предупреждением за валютные махинации и назначают это партийное собрание. С райкомом договорились. Райком сказал: «Давайте, проводите». А у них расчет был какой? Они открывают собрание, меня вываливают из партторгов. Это просто: проголосовали (их же большинство), что я уже не парторг. Тогда меня вызывают на редколлегию, на партсобрании меня за валютные махинации исключают из партии, и меня увольняют из «Огонька». Это у них было уже расписано все.

Мне говорят: «Вот собрание собралось». Я говорю: «Во-первых, надо написать отчетный доклад. Отчетный доклад за один день не напишется». Он говорит: «Мы по разделам раздадим всем членам партбюро. Каждый напишет свой раздел. Я на следующей неделе на два дня всех членов партбюро освобождаю от работы, чтобы писали этот доклад». Представляете, какая была штука? Я звоню в ЦК и говорю: «Вот такая штука. Они тут хотят такое партсобрание провести». — «Какое партсобрание?» Высыпали секретарю райкома, и все это дело отменили. У них это все погорело.

Тогда Лева Шерстенников подает в суд: снять с него это обвинение. За что же ему строгий выговор с предупреждением? В районе была очень хорошая судья. Она нас выслушала, собрались. Она вызывает представителей редакции. Те говорят: «Мы просим отложить на две недели судебное заседание. Мы ждем дополнительные документы». Хорошо. «Ладно, — она говорит, — откладываю, но 9 ноября, — как раз после праздников, — я назначаю заседание».

Л. Н. Шерстеников. Москва, 1990. Фото В. В. Ахломова. Источник фото: www.photowebexpo.ru

Что они делают? Они хотят послать своего человека на Кубу, чтобы там на нас накрутить какие-то дела. Но на партбюро надо же утвердить характеристику для поездки. Тогда же так было. Я отказываюсь подписывать, но, так как это решение партбюро, я вынужден подписать. Это не мое решение, а партбюро. Они говорят: «Но вы с ним не поедете на парткомиссию на выездную. Поедет другой. Вот этот Антошкин поедет». Я говорю: «Пускай едут». Иду, снимаю трубку, звоню председателю выездной комиссии райкома, с которым я знаком, говорю: «Николай Николаевич, вот такого прохвоста... Он пьяница, такой-сякой. Вот по таким-то делам его хотят отправить на Кубу». Он говорит: «Никуда он не поедет». В общем, в день заседания райкома этот Антошкин и этот Шмелёв едут в райком. Им дают машину, они едут в райком. А Лариска у нас была секретарем отдела. Мы с ней стоим, а окно как раз на Савеловский вокзал выходит, на эстакаду, откуда подъезжают. Видим — они подъезжают. Значит, они из райкома приехали. Мы ждем. Слышим — двери от лифта так хлопнули, что мы поняли, что у них полный провал. Так и было — полный провал. Тогда туда посылают Лешу Голикова, моего соавтора по космосу и по авиации. У него были уже оформлены все документы и паспорт. Он летит. Пока он летит, я два раза уже на Кубу позвонил собору и всю ему объяснил ситуацию. Короче, Лешка им ничего не привез. Все.

Дальше идет суд с прокурором. Прокурор меня спрашивает: «У вас менялся статус вашей поездки командировочной?» — «Нет, не менялся». — «Вы задание редакции выполнили?» — «Выполнили». — «Материал вы опубликовали?» Я говорю: «Посмотрите. Это 72-й год. Еще четыре года назад было». Представляете, они что придумали? Им надо было вот это вытащить. «Какие же к вам могут быть претензии?»

Они не знали одну деталь. Когда мы приехали на Кубу, мы пошли первым делом к нашему послу и рассказали, что у нас вот такой план. А командировка на десять дней. Он говорит: «Слушайте, вы наивные ребята. Вы за десять дней здесь ничего не сделаете. Тут по каждому поводу будут говорить: „Маньяна. Маньяна“. А „маньяна“ — это завтра. Так что вы это не сделаете. Что я могу? Я вам добавляю своей властью десять дней командировки. Я вам не могу дать деньги, потому что у меня бюджет, но у вас есть деньги на какие-то другие расходы: на связь, на транспорт, на переезды, на гостиницу. Вы эти все деньги переводите в командировочные, в суточные. И таким образом вы при своих деньгах остаетесь. Ну, а что у вас останется... А кубинцы вас прокормят, вы не волнуйтесь».

Значит, в этот же день к нам приходит корреспондент «Правды» Гена Зафесов. Мы ему говорим: «Гена, вот так и так. Доложили, сказали. Нам добавил посол это время. Но надо переложить деньги сюда, сюда...» Он говорит: «Какие деньги? Вы что? Как только вы сейчас поменяете свои чеки на песо, вы будете с резаной бумагой. Эти песо здесь ничего не стоят. Здесь же нет ни магазинов, ни базаров, ничего нет. Сделаем так. Так как это правдинские чеки, вы их отдаете мне, я их кладу на свой счет, и все ваши расходы я со своей карты буду оплачивать. Потом, когда кончится у вас, если что останется, я вам обменяю на сертификаты. И вы в Москве сможете отовариться». Ну, как обычно тогда было. Но все по закону. Так и было. У них было два магазина: продуктовый и вещевой для дипломатов. И вот он нам купил мачете для подарков, две бутылки рома, еще сувенирное что-то купил, а оставшиеся деньги он нам поменял в торгпредстве на сертификаты. Это очень важно.

Когда суд идет, представитель «Огонька» говорит: «Вот у нас бумага из валютного отдела Министерства иностранных дел, где, как они меняли деньги». Тогда я говорю: «Ваша честь! Это подлог! Вы посмотрите, кем выдано это? Валютный отдел Министерства иностранных дел. А мы деньги меняли не в посольстве, а в торгпредстве. А это другое министерство — Министерство внешней торговли! И у него свой валютный отдел! Вам же подсовывают подлог!» А они по благу у кого-то достали, да? Подлог. В общем, постановляет суд снять с Шерстенникова все взыскания эти и принимает — как это называется — особое мнение по поводу безобразий редакции и поведения редакции, и все прочее. Короче говоря, они проигрывают это дело и суд тоже проигрывают. И собрание обо мне нельзя провести: я вне досягаемости. В общем, творится бог знает что.

Наконец, в партконтроле меня вызывает этот, говорит: «Завтра будет разбор дела». Он со мной побеседовал, говорит: «Теперь уходите из ЦК и гуляйте два часа. Придете, вам будет новый пропуск заказан, — а туда по партбилету, но пропуск надо обязательно, — потому что сейчас должны мы вызвать Софронова. Надо, чтобы вы с ним не сталкивались». Я говорю: «Хорошо». И я пошел гулять.

Тут я одну деталь упустил. Вот этот мой помощник Тигран Айрапетян, которого прикрепили проверять со мной вместе взносы, он со мной приходил в партконтроль, и вместе мы там сидели с партследователем и считали то, се, пятое, десятое, а потом мы вышли, сели на машину и поехали в редакцию. Да, это был другой день, когда-то раньше было. А было так, что Софронов подъехал к ЦК и увидел, что Тигран со мной садится в машину. Значит, он со мной заодно. И они начинают тягать Тиграна: «А ты как в ЦК был с Кривоносовым?» Он говорит: «Вы же меня сами прикрепили, и надо было идти туда, в этот отдел. А он меня спрашивает: „Ты в редакцию?“ — „В редакцию“. — „А я тебя подвезу, я с машиной“. Он меня подвез». Но они его уже заподозрили. Он уже не мог так в открытую работать.

Это я к чему говорю? Что постановление парткомитета по Софронову писали мы с Тиграном. В ЦК сидели, нам поручили: «Вы журналисты — вы и напишите на него приговор!» А это был мой день рождения — пятьдесят лет мне исполнилось в этот день. И мы с ним сидели часов до шести, до семи в ЦК и писали вот эту штуку на Софронова. Потом партследователь прочитал, сказал: «Ребята, у вас тут есть какие-то недочеты. Я сейчас это поправлю. Например, вы пишете: „Вызывает удивление..“ У нас уже ничего не вызывает удивление. Это для вас удивление, а для нас нет. Нельзя так сказать, что „вызывает удивление“».

Короче говоря, мы из ЦК тогда приехали с Тиграном сюда. В это время приехал мой отец. У меня пятидесятилетие. Мой друг Эрвин из Германии. Писатель Бекир. Мы тут отметили мое пятидесятилетие.

Это был конец августа. И дальше все еще шло разбирательство, но мы уже написали постановление. Заслушивали его чуть ли не в декабре уже, где-то в конце года. Или в ноябре, или в декабре. Я точно не помню.

Я ушел на два часа, потом пришел. Они уже этого Софронова вызвали. Ему предъявили эти счета. Он должен ответить на это, это, это сначала предварительно. На следующий день назначено на утро, на девять часов заседание партконтроля. Партследователь мне говорит: «Сейчас, когда Софронов поедет, его шофер ждет». У него машина с шофером. «Проследите, куда он поедет. Можете проследить?» Я говорю: «Хорошо». Они боялись, что он к кому-то из сильных кинется на защиту.

” В это время в Политбюро было две группы: группа Кириленко и группа Суслова. Кириленко крышевал, как теперь говорят, Софронова. А Суслов терпеть не мог Софронова, но почему-то он его не убирал.

Такой, может быть, нужен был ему? Он его не убирал, но он его терпеть не мог, говорил, что он кулак. Это я знаю. Дословно. Суслов. Поэтому они думали, что он сейчас может поехать... А они очень долго держали его там. И меня держали. Это было уже поздно. Почему? Потом я догадался, но они сказали, почему. Им надо было, чтобы все члены Политбюро уехали домой, чтобы никто не был на работе. Чтобы он не мог по «вертушке» никому из них позвонить и попросить поддержки. То есть представляете, им как доставалось тоже работать?

И поэтому меня попросили проследить, куда он поедет. Ну, я поехал за ним следом на своей тачке. Я увидел, что он уехал домой к себе на улицу Александра Невского. За Белорусским где-то улица Александра Невского, что ли? Там есть. Я приезжаю в редакцию, а редакция пустая — уже десять вечера. Меня ждут Тигран и Лариска, секретарь. Говорят: «Ну как?» Я им докладываю, что завтра будет разбор и все такое прочее. Я говорю: «Приходил кто-нибудь в редакцию?» — «Нет, никто. Все закрыто, „вертушка“ закрыта, кабинет закрыт. Его нет». Я звоню тому и говорю: «Так и так, не приезжал он». «Ну все, — говорит, — приезжайте утром». Я приехал, сижу в машине, вижу, что Софронов приехал, ходит перед зданием туда-сюда. Я сижу, смотрю. Потом он пошел туда, и я пошел туда.

Начинается заседание этого партконтроля. Возглавляет Пельше как зампреда* этой комиссии и член Политбюро. Заместитель его, и тут их целый синклит — человек десять сидит. Партконтроль, все главные. Мой Фролыч выходит. Там такая тумбочка стоит. Он выходит, под мышкой у него шесть папок. Он их кладет и стоит на случай, если будут вопросы. И начинается разбор по вопросам — это, это, это. Они говорят: «Что вы там копали по Кубе? У нас с Кубы получили письмо, что безобразия: какие-то ваши люди к ним приезжают проверять ваших коммунистов. Что это такое?» Он говорит: «Я не знаю. Меня в это время не было в редакции». Пельше говорит: «Командир роты отвечает за роту, даже когда его нет в роте!» Тот, значит: «Да-да». И Пельше говорит: «Что вы там их проверяете, кто их кормил, кто их угощал? Меня тоже угощали! Ну что же — за счет гостей я кушал или за счет чего? Что это такое вообще?» Короче говоря, его возили мордой об стол. А я как член партийного бюро обязан присутствовать здесь. При мне все это происходит.

* Пельше был председателем Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС.

Последствия для Софронова

Его извозили со страшной силой. Объявили ему строгий выговор с предупреждением, но без занесения в партийную карточку. Это был очень хитрый ход. Оказывается (я потом узнал), что если бы было с занесением, то ему были бы перекрыты многие дела. Во-первых, он бы не получил награды и так далее. Это раз. С другой стороны, там был договор. Комитет партконтроля сказал: «Мы ему дадим строгий выговор без занесения в учетную карточку, а вы, отдел пропаганды, освобождаете его от работы. В сумме это как раз будет то наказание, что надо».

Они ему дают без занесения, а отдел пропаганды его не освобождает. До этого он пытался найти защиту у Шолохова, своего дружка, звонил ему. Шолохов никогда не брал трубку. Нет его, не брал. Он с ним не разговаривал ни разу. Он думал, что того могут из партии выгнать. Когда он узнал, что его из партии не выгнали, тогда он позвонил Кириленко: «Слушайте, помогите! Настоящий, хороший советский писатель! Надо ему помочь!» И Кириленко позвонил в отдел пропаганды, а там в это время даже не было заведующего отделом, был только заместитель. Временно отсутствовал заведующий отделом. Кириленко говорит: «Пусть работает». И его оставляют работать. Таким образом они этот комитет обманули.

А. В. Софронов и М. А. Шолохов. Станица Вёшенская, 1974. Фото Н. Ф. Козловского. Источник фото: www.sholokhov.ru

Через два-три года у него был юбилей — семидесятилетие, что ли, — и ему пробрили Героя Соцтруда. Но как пробрили? Надо было снять взыскание это. А взыскание никак нельзя снять, потому что Комитет партконтроля не дает снимать. «Он не исправился. Он не исправился». И там все зависло. А в это время партследователь мой уехал в отпуск. Он пошел к заместителю КГБ... Кто тогда из заместителей КГБ? Не Андропов был? Я не помню. Заместителем КГБ был Цвигун. А Цвигун был его, так сказать, дружок. Он печатал бесконечно в журнале какие-то рассказы жены, Розы Михайловны, как она называлась... Значит, по благу печатал жуткую муру. И выпускал в библиотеке «Огонька» даже книжечки жены Цвигуна. И потом какие-то его партизанские воспоминания с продолжением печатал тоже. То есть свой человек. И Цвигун ему помог снять это взыскание. Никого не было, кинуться не к кому. С него сняли взыскание. А взыскания нет — ему пробрили тут Героя Соцтруда. Потом мне мой коллега (вы его знаете) Коля Рахманов говорит: «Слушай, ты знаешь, как он получил Героя Соцтруда? Он дал шесть тысяч секретарю Верховного Совета Георгадзе», — а это больше, чем автомобиль «Волга» стоил. «И ему, — говорит, — через кого-то передали, и ему пропихнули этого героя».

Отношение Сулова к Софронову

Ю. К.: Вот как было! И я вспоминаю еще отношение Сулова к Софронову. Был какой-то юбилей «Огонька». Но тогда давали какие-то мелкие премии, чего-то, чего-то. Я получил грамоту Верховного Совета РСФСР. Кому-то медали давали. Но выяснилось, что у меня была самая главная награда, потому что это была высшая награда республики, которая давала право на республиканскую пенсию. Без звука просто. Так что они думали, что тогда... Я еще тогда не был даже парторгом. А тут было награждение. Две тысячи пятисотый номер «Огонька», по-моему. Я как секретарь партбюро подписывал эти наградные листы. Кто на меня подписал наградной лист, не знаю. Это было еще до этого софроновского дела. Они еще думали, что надо тоже мне дать что-то, а то я парторг — вдруг не подпишу. Они меня записали на «Знак Почета». И я тогда получил «Знак Почета». А на Софронова нет наградных листов! Я и удивился, почему нет. Оказывается, на него наградные листы шли другим путем на Героя Соцтруда! А незадолго перед этим целой группой писателей дали Героя Соцтруда, а ему среди писателей не дали тогда. И здесь вот была на него наградная на Героя Соцтруда. А в это время дежурным секретарем ЦК был Сулов. Когда Сулову принесли... А ему уже вечером звонили, поздравляли со звездой: «Мы знаем, все там оформлено, подписано все». Сулов зачеркнул «Героя Соцтруда», написал: «Орден Трудового Красного Знамени». Софронов был убит, потому что у него уже были какие-то ордена... На что он ему сдался! Ему этот надо было! Оказывается, вся эта затея с наградой (через Кириленко провернули наградные эти дела) — чтобы Софронов получил Героя Соцтруда! И Сулов поломал эту всю операцию, которая была затеяна только ради софроновской звезды! А нам всем дали! Когда мы пришли получать эти награды, на Софронове лица не было — какой он был злой! И ему дали эту железку.

Пока я вел все эти дела, они говорили: «Он сам не мог это затеять. Его кто-то поддерживает. Он за чьей-то спиной. Как за чьей? Ясно же! Это группа Сулова его поддерживает! Сулов хочет журнал перехватить под свое влияние!» Хотя какие там... Я не знаю их внутренние разборки, я в них же не разбираюсь. Но вот так мне сказали, что, значит, это... Иначе я не знаю, что они со мной могли бы сделать, если бы они думали, что я один, без защиты, сам, на свой риск и страх это затеял. Они меня могли просто убить. Тогда тоже ведь убивали, между прочим. Хотя не так, как сейчас. Сейчас это проще.

Последствия для Кривоносова. Увольнение из «Огонька»

Потом проходит следующее дело. Проходит партийное собрание. Меня, конечно, из секретарей вываливают. Собрание Союза журналистов, где я еще и был секретарем Союза журналистов, — меня из секретарей Союза вываливают. Я остаюсь рядовым сотрудником в журнале. Но я прихожу на работу в десять, ухожу в семь. А все приходят, как хотят! Но я знаю, что меня будут ловить. Я практически год держусь. Меня ни в командировки не посылают, ничего. Один раз позвонили из партконтроля, сказали: «Почему вы работать не даете?» И тогда они мне разрешили сделать репортаж: в Филях есть трубопрокатный завод какой-то, и с этого я сделал маленький репортаж — единственное, что было. Потом я отснял очень хороший репортаж по Александровскому саду. Тоже ничего не дали, но в «Правде» напечатали оттуда мою фотографию по указанию тоже партконтроля. Они меня опекали. Они не давали со мной расправиться, иначе бы меня сожрали там за этот год. Но год я продержался.

В этот год как раз я сел писать летом. У меня был первый отпуск. Это был 76-й год, а в январе 77-го года я взял отпуск. У меня было два отпуска. Уехал в Болгарию с женой. А летом я взял отпуск — хотел написать книгу для детей, чтобы заработать и уходить из «Огонька», чтобы я мог пропитаться, пока устроюсь. Но я в какой-то момент отсюда начал писать мой роман «Карьера Отпетова». Я сказал: «Черт с ней, с главой, но это я должен написать». Я стал писать этот роман. Потом я его заканчивал уже в 80-м году. Это уже меня там не было.

Под 78-й год, под Новый год, мне позвонил мой коллега Лева Шерстенников, фотокорреспондент, а он был членом редколлегии в журнале «Советское фото». И говорит: «Слушай, тебя приглашают в „Советское фото“ заведующим отделом фотожурналистики». Я говорю: «Да не, ты что, я должен еще довоевать, я там еще их не доразгромил». Жена мне говорит: «Ты что, псих? Брось ты это! К чему? Хорошо, ты им еще будешь кровь портить, но ты себе испортишь крови сколько! Тебе же хорошо будет! Твое любимое занятие — фотография! Это твое родное дело с детства». Я говорю: «Кому звонить?» Он сказал: «Чудакову».

Я позвонил Чудакову. Чудаков говорит: «Вот 3-го числа кончаются праздники новогодние. Приходите утром». Я прихожу туда. Там сидят Чудаков и Ольга Васильевна Суслова. Они со мной беседуют. А Суслова — это невестка Михаила Андреевича Суслова. Она замужем за его сыном. Знаете, да? «Хорошо», — я говорю. Они говорят: «Вот вам бумагу напишем на перевод, чтобы отпуск не пропал». Дали мне бумагу на перевод. Я говорю: «Хорошо. Я завтра иду в редакцию».

Я прихожу. Я обещал — была Надя Кожевникова, дочка этого писателя, был какой-то очерк ее, нужно было его поправить. Из трех частей я сделал одну часть. Я с утра сел, сделал этот очерк, отнес его на машинку, сказал: «Девочки, завтра возьмите с машинки Надю Кожевникову и сдайте заведующему. Книгу вычитайте эту и сдайте». — «А ты?» Я говорю: «Меня здесь завтра не будет». Я сажусь и пишу заявление: «Прошу меня уволить с завтрашнего числа из журнала „Огонёк“». Иду, отдаю заявление секретарше Софронова. А это четыре часа дня. У нее квадратные глаза. Это же неожиданно. Никто же не знает, в чем дело. И я иду обедать, обедаю, уезжаю домой.

Наутро прихожу, иду к этой секретарше. «Люся, как там? Какие дела?» Она говорит: «Уже приказ в отделе кадров». А отдел кадров был правдинский, общий отдел кадров. В отделе кадров говорят: «Приказ. Можешь рассчитывать». В четыре, как только я отдал, она тут же позвонила Софронову. Он примчался в редакцию, тут же подписал мое заявление — «уволить». Отдел кадров «Правды» работал до пяти часов. А надо было до пяти часов — не дай бог я передумаю. Я же вообще известный прохиндей. А это приказ уже. И все. Я прихожу на следующий день — она говорит: «Да, приказ уже в отделе». Я за один день все сделал: снялся с партучета, снялся с журналистского учета, рассчитался с бухгалтерией, заплатил издательству за фотоаппаратуру, которая у меня оставалась. Все! Перерезал пуповину. Меня нету. И я ушел в «Советское фото». На этом огоньковская моя эпопея окончилась. У меня бутылка — коньяк французский «Камю». И договорились, что все, кто участвовал в борьбе с Софроновым, придут и выпьют по рюмке этого коньяка. Все пришли, мы это отметили.

Но он еще оставался долго довольно в журнале, пока не началась перестройка. Приехал Яковлев, который был послом... Послали его в Канаду, что ли, послом. Он приехал и стал заведовать отделом пропаганды ЦК. И он затребовал софроновское дело из Комитета партконтроля, долго держал, листал, изучал и дал команду: «Увольнять». Так как это номенклатура секретариата ЦК, он в секретариат ЦК подал бумагу — «увольнять». А в это время его уже выбирают секретарем ЦК. И он уже свою бумагу выполняет. Софронова вышибают на пенсию, и все на этом. Вот это примерно то, что было у меня с «Огоньком».

Ю. М. Кривоносов. Москва, 1985. Фото из архива Ю. М. Кривоносова

Работа в журнале «Советское фото». Написание романа «Карьера Отпетова»

Потом я в «Советском фото» работал. Там более свободный режим. Во-первых, это ежемесячник, а не еженедельник, и нет такой гигантской нагрузки делать полномера.

Е. Г.: И не политический был журнал ведь?

Ю. К.: Да, но там немножко было, чуть-чуть.

Е. Г.: Расскажите поподробнее для тех, кто не знает.

Ю. К.: Там обязательно мы должны были что-то отмечать, какие-то события наиболее важные. Мы это делали через фотографию. Что кто-то снимал, и вот такие снимки, и это было снято во время этих событий, и так далее. Таким образом мы отмечали как бы в обход прямых таких вот... Не было прямых статей на эту тему. Легкие такие были какие-то... Но все равно был специфический журнал, фотографический. И я там благополучно проработал после «Огонька». Двадцать семь лет и тут двадцать лет. Десять лет я был в штате — заведующий отделом фотожурналистики. А потом десять лет я просто был уже вне штата, но член редколлегии. Работал с журналом все время, читал материалы. Был нормальный член редколлегии. Вот и все.

Е. Г.: Но там совсем другая жизнь была.

Ю. К.: Была совсем другая жизнь. У меня было свободное время. Я писал свой роман. Значит, я его начал в 77-м году в июне примерно, а закончил в 80-м году. Три года писал. В 80-м году я закончил этот роман в день начала Олимпийских игр в Москве. Почему? Накануне я уже знал, что сейчас мне осталось написать две фразы. И я решил: я завтра утром на свежую голову эти две фразы напишу, и потом пойдем к моему другу — у него был цветной телевизор, у нас не было — смотреть Олимпиаду. На следующий день утром я встал, но получилось не две фразы, а страница или немножко больше. Дописал, закрыл — и мы пошли смотреть Олимпиаду. Вот так было. В основном роман этот печатался по живым следам. Все это было списано с натуры, только все переделано. И переделано, перелопачено. Это очень смешно. У него же были романы, которые я тоже пародирую. Поэма у него была. Колоссальная «Поэма прощания». У него была жена. Она была любовницей, потом она была вроде его женой, а потом... Ну, в общем, грязное дело. Я об этом пишу в романе. Мне не хочется об этом вспоминать. Я решил из одной главы сделать пародию на его поэму. И я ее писал в метро, когда ехал на Лубянку и обратно. Там же «Советское фото» было. Я в метро обычно стоял у двери. У меня в руках была небольшого размера его книжка, где была издана поэма. Смотрел и писал. У него, например, «Лесная шесть». Я пишу: «Степная пять». У него «красные ворота» — у меня «грязные ворота». В таком духе. Короче говоря, я перелопачивал эту поэму. Получилось шестьдесят страниц, но ступеньками, как у Маяковского. Причем было страшно то... Во-первых, я не должен был нигде дать его чистый текст, чтобы нельзя было придрататься. Чистый текст я не должен повторить. А у меня все время получалось лучше. Приходилось все время ухудшать, то есть так, как у него, и чтобы ни одно слово его не повторялось. Вот таким образом... Это, конечно, для меня была колоссальная штука.

Потом через этот роман произошло мое свидание с Булгаковым. Я ушел в Булгакова — и вот две книги: одна книга вышла к 120-летию, а вторая книга выходит из печати на этих днях. Говорят, числа 10-го эта книга должна уже появиться. Я вам говорил, по-моему, что 11-го числа будет презентация в «Библиоглобусе» в полседьмого вечером. Это последствие этого... Так что нет худа без добра. Если бы я этот роман не написал, я бы не ушел в Булгакова. А раз ушел в Булгакова — тридцать лет еще я после этого Булгаковым занимался. Значит, это 80-й был год. Ну, в 81-м мне рецензент написал, что надо мной нависает тень Булгакова. И с тех пор тридцать лет я занимался только Булгаковым.

Потом я вскоре вышел на пенсию. Мы договорились. Я собрался уходить, это был 86-й год, у меня как раз было шестидесятилетие, но редактор наша, Ольга Васильевна Сулова, попросила меня... А я еще не сказал, когда я в «Огонёк» принес бумагу о переводе, подписанную Суловой, они сказали: «Мы же говорили, что это группа Сулова! Ясно же, что за ним была вот эта стена суловская!» Вот это такая деталь, которую я упустил тогда. Вспомнил я. И моя жизнь пошла просто совсем по-другому. Когда я хотел идти в шестьдесят лет на пенсию... С Софроновым уже закончил, а надо было заниматься Булгаковым. И я ей говорю: «Ольга Васильевна, я хочу уходить». Она: «Юрий Михайлович, еще год-два поработайте». А она для меня много сделала: она выхлопотала заслуженного работника и так далее, и так далее. Я говорю: «Хорошо, Ольга Васильевна, поработаю». И в 88-м году где-то летом я прихожу: «Ольга Васильевна, не год, не два. Полтора года. Мне надо уходить — висит на мне столько всего!» Она говорит: «Ладно, уходите». И я ушел, и мы тогда стали друзьями. До сих пор я ей звоню. Замечательная женщина, умница и настоящий человек. Тоже мешал им этот их папаша Сулов. Он сыну не давал два года докторскую защитить: «Нескромно». Был список награждения работников печати за пятилетку, Ольге Васильевне был написан Орден Трудового Красного Знамени. Он ее из списка вычеркнул: «Нескромно».

Е. Г.: Потрясающе.

Ю. К.: Вот какой был человек! Как генерал его сын мог себе построить дачу. Тогда генералам давали дачи. Он сказал: «Не надо. Это нескромно. Зачем вам дача? Вот у меня дача, приходите ко мне на дачу и отдыхайте». А когда он умер, их тут же выкинули с этой дачи. Они только и видели. И она говорит, что вообще такая официальная обстановка, что нельзя было в сарафане на обед прийти на даче, надо было застегнутой. Сулов же был жуткий педант. Так что вот им тоже добра-то многого, видно, не сделал. Тем более что он завещал все свои труды так называемые, которые не он писал (писали же за них все время, но выходили книгами их труды), в партийную кассу, весь гонорар за них, а все, что выходило

в соцстранах, — в партийную кассу тех стран. Короче, он им ничего не оставил! Правда, они получили хорошую квартиру. Ну как, не знаю, вот тут в «Царском селе»* они получили. Квартира хорошая. Но он-то был, во-первых, генерал, во-вторых, он был директором главного электронного института военного по вооружениям**. Он же крупный ученый. Вот, значит, «нескромно». Вот такие дела.

Е. Г.: Да, замечательная история.

* «Царское село» — неофициальное название квартала в Новых Черемушках, в котором расселяли сотрудников аппарата ЦК КПСС, Совмина, генералитет.

** Револлий Михайлович Суслев в 1975—1989 годах возглавлял Центральный НИИ радиоэлектронных систем.